

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА

Период эвакуации в истории Политехнического института наименее освещен, информацию приходилось собирать буквально по крупицам. Труднейшее время в жизни страны, резкие переломы в обстановке, потеря связи и управления, невозможность ведения нормальной документации — все это

Автор В. В. Чепарухин.

очень осложнило поиск. Но сегодня уже можно реконструировать объективную картину, так как многие документы архивов рассекречены [1— 5], и выстроить события в некоторой последовательности.

Вопрос об эвакуации института возник еще в июле 1941 года: был составлен эшелон с пунктом назначения Томск. Этим эшелоном из «9 вагонов... было вывезено наиболее ценное имущество лабораторий (в основном приборы) и некоторая небольшая часть, вернее, отдельные редкие экземпляры-уникумы, из библиотеки института. Это имущество... доставлено профессором П. Л. Калантаровым, доцентом В. П. Андреевым и ассистентом А. В. Ковалевым...» [1].

«Эвакуация населения — работников института и их семей началась в июле 1941 года. Вначале была проведена эвакуация детей (480 чел.) в районе Боровичи Ленинградский области, но в августе все эвакуированные были возвращены обратно не организованным порядком, а самотеком. Эвакуация была неудачна». [1]. За этими Скупыми строками отчета стоят и личные трагедии, и хаос, и неразбериха начала войны. Позже была попытка организовать эвакуацию женщин-работниц и служащих с детьми. Эшелон был по спискам на 700 человек, но выезд не состоялся из-за трудной обстановки в конце августа. Вскоре Ленинград был блокирован.

«Все же ряд профессоров и научных работников были эвакуированы в июле—августе 1941 года в глубь страны с другими научными организациями и заводами (например, проф. Лойцянский, Лурье, Пресс, Семенов и др.)» [1]. Через городские организации добились, что в октябре—ноябре были вывезены. . . главным образом на самолетах профессора Шателен, Николаи, Радциг и др. [1]. В сущности, почти весь ведущий научно-преподавательский потенциал института был вывезен из Ленинграда в разное время и разными путями, не всегда удачными, и далеко не сразу был использован в тылу для профессиональной работы. При этом несанкционированные действия в этой сложной обстановке осуждались: «Со стороны отдельных членов партии и беспартийных были случаи просто бегства. Люди искали заводы или учреждения, к которым можно было пристроиться и бежать из Ленинграда (например, доц. Штейнберг, Кукеков — чл. ВКП(б)...») [П-

«В январе была организована эвакуация студентов ввиду того, что о занятиях... нельзя было и думать в тот период, а смертность среди студентов приняла угрожающий характер; 1 февраля был отправлен эшелон в глубь страны без указа-

ния определенного места назначения, в т. ч. студентов 340, преподавателей 10, иждивенцев 100. Кроме того, ... в январе—феврале 1942 года была эвакуирована группа гидротехников (15 чел.) в Ташкент и группа металлургов (30 чел.) на Урал» [1].

Решение об эвакуации ленинградских вузов в феврале 1942 года было принято в контексте общего решения о выводе из осажденного Ленинграда нетрудоспособного населения. Эшелоны комплектовались районными властями (райисполкомами), но все сводки и отчеты сохранились в партийных архивах. Практически «эвакуация учебной части и работников. ... была развернута в марте 1942 года с назначением местопребывания института в Тбилиси... на базе Тбилисского Политехнического ин-та. В марте было отправлено в Пятигорск 3 эшелона [1] (12, 18 и (?) марта)»; составы были «сборными», наряду со штатными сотрудниками ЛПИ выехали, бывшие сотрудники института, члены их семей, ехавшие в другие места, в основном к родственникам. «С 21.01.1942 по 10.04.1942 из ЛПИ было эвакуировано 1882 чел., из них: проф.-преп. состав — 173, служ. — 62, студ. — 974, дети — 412, ижд. — 261 чел.» [2].

Заметим, что активная эвакуация продолжалась и в июле—августе 1942 года. «Было составлено и отправлено 4 эшелона (из Выборгского р-на— В.Ч.) с общим количеством 1766 человек, из них 660 работников института и их семей, а остальные 1160 — работники и их семьи других вузов Ленинграда» [1]. Тот же источник дает несколько отличающиеся данные за июль (520 человек) и август (76 человек) по институту. Списки эвакуированных в центральных архивах не сохранились, и цифры даются по сводным официальным отчетам.

Сформированные в Ленинграде эшелоны перевозили людей только 2—3 часа до перевалочного пункта (Борисова Грива). Далее путь продолжался на автомашинах через Ладожское озеро до Кобоны (или Лаврово), оттуда—вновь в железнодорожных вагонах — через Волховстрой (эвакопункт в нем закрыт и организован в Тихвине с 16.06.1942 г.) на Вологду и далее. Пребывание на эвакопунктах могло затянуться на несколько суток. Пересадки с вещами, детьми и больными иждивенцами, холод, теснота, санпропускники, долгие стоянки и длительные броски без остановки — условия были тяжелейшими. Люди умирали в пути и даже по при-

бытии в «сытый» Пятигорск: до данным [8], там погибли 15 человек.

Итак, эвакуированные коллективы ленинградских вузов фактически оказались в автономном режиме существования, определявшемся волей случая, ситуацией, обстановкой. На место политехники прибыли 5 апреля 1942 г. [7]. «В Пятигорске находилось политехников, прибывших из Ленинграда, всего 715 человек, из них профессоров 21, доцентов 33, ассистентов 34, аспирантов 17, служащих 41, студентов 308, иждивенцев 261» [1]. Большая часть <...>, 450 человек, была мобилизована на сельскохозяйственные работы в окрестностях Пятигорска. Остальные 265 были в самом Пятигорске [1]. Кроме политехнического, сюда прибыли институты горный, инженерно-экономический, киноинженеров, педагогический, 2-й медицинский [3].

Предполагалось, что задержка в Пятигорске для восстановления сил будет недолгой, до мая—июня [6]; действительность смешала все планы. Весна, часть лета прошли в осваивании новой обстановки, в попытках наладить быт. У политехников возникли дополнительные сложности—в конце мая был арестован органами НКВД Орджоникидзевского края директор института Б. Е. Воробьев и по-видимому сразу вскоре погиб точная дата неизвестна, так как и диагноз «декомпенсированный порок сердца», и дата «18 августа», указанные в справке о реабилитации за 1957 г., явно сомнительны) [7]. С 30 мая и. о. директора в эвакуации стал доцент В. Г. Подпоркин [6, 7].

Сухие строки официальных документов ярко высвечиваются в записке профессора Н. А. Клюквина [3], штатного профессора ЛПИ в Ташкенте; в Пятигорске он был уполномоченным ВКВШ, фактическим руководителем всех эвакуированных ленинградских вузов и пытался зафиксировать события сразу после ухода немцев из Пятигорска. Копия этой записки сохранилась в личном архиве профессора Е. М. Карлика и была передана ему профессором А. Б. Ельяшевичем, непосредственным участником событий и заместителем Клюквина по инженерно-экономическому институту (как и все цифровые данные, материал публикуется впервые).

Итак, едва начавшая налаживаться жизнь людей, вывезенных с большими трудностями из голодного осажденного Ленинграда, вновь резко осложнилась [3].

«В связи с обострением положения на фронте проф. А. Б. Ельяшевич 31-го июля был вызван в Пятигорск, но пополуче-

нии успокоительных известий от Горкома партии он был направлен 2-го августа обратно, однако, с указанием всем быть готовыми к эвакуации в любой момент. И, действительно, 4-го августа всеми институтами было получено распоряжение от Горкома и краевых организаций о немедленной эвакуации в Нальчик» [3]. Все, кто мог идти, должны были эвакуироваться пешком (80 километров по прямому пути и 115 по окружному). Уполномоченный ВКВШ по г. Пятигорску профессор Клюквин начал организовывать вывод профессорско-преподавательского состава, больных и пожилых на машинах, обещанных местными властями.

«6 и 7 августа были отправлены группы студентов, преподавателей и служащих института пешим порядком» [2], способных пройти 115 км; самая-большая группа (126 человек) выступила 8 августа. В этот же день институту была предоставлена автомашина на один рейс; в нее; «<...> были посажены проф. Толвинский В. А. с семьей, доц. Пучков (сердечно больной) с женой и ассистент Яцутко с беременной женой и малыми ребятами <...>. Руководство института поделилось: и. о. зам. директора А. И. Дмитренко и секретарь партбюро Г. Р. Лулов выступили с пешей группой, а и. о. директора В. Г. Подпоркин должен был организовать отправку основной массы профессорско-преподавательского состава <...> 9 августа» [2], так как «к несчастью <...> 8 августа от прибывшего в г. Пятигорск уполномоченного Комитета Гособороны СССР по Орджоникидзевскому краю <...> было получено отношение к Минводскому ж.-д. отделению о предоставлении не позже 9 на ст. Пятигорск 10 ж.-д. вагонов для отправки профессоров и студентов, находившихся в г. Пятигорске. Посланный на дрезине на ст. Минводы профессор Ельяшевич вернулся ночью с известием, что на ст. Минводы нет ни вагонов, ни железнодорожной администрации. Решающий день <...> был <...>- потерян...» [3].

«В связи с указанными обстоятельствами, а также вследствие отсутствия для профессоров автомобилей, было решено всем наличным составом <...> идти пешком на Нальчик: <...>. Выступление [Инж.-эк. ин-та — В.Ч.] было назначено на 14 часов воскресенья 9 августа. В тот же день между 16 и 18 часами должны были выступить политехнический, горный и остатки 2-го медицинского... Все были уже на месте, вещи лежали уложенные на подводы, проходила последняя суэта и проверка, и вдруг совершенно неожиданно несколько позднее 12 часов началась артиллерийская и пуле-

метная стрельба, сначала в ближайших окрестностях, а затем и в самом городе Пятигорске.

В 13 ч. 30 мин. на Октябрьской улице, где в одном из дворов Пятигорского педагогического института находились готовившиеся к выступлению преподаватели и студенты <...>, показались три немецких танка. При появлении этих танков секретарь коллектива [ИЭИ им. Молотов а —В.Ч.] Зубарева и шесть студентов <...>, а также директор института киноинженеров <...> успели выбежать и вскочить в последний отступающий военный грузовик. Подоспевший немецкий танк быстро остановил попытки других последовать этому примеру. С этого момента началась немецкая оккупация <...>.

Распространенный на другой же день немцами слух о взятии Нальчика прекратил дальнейшие попытки к отступлению в этом направлении. Второе же направление на Георгиевск было взято немцами под наблюдение, и там велись боевые действия. Через два дня (11 августа) была объявлена регистрация специалистов и евреев, причем часть последних уклонилась от регистрации. 18 августа началась регистрация коммунистов <...>.

После регистрации коммунистов я с проф. Горевой [Е. Н. Горева—профессор ЛПИ им. М. И. Калинина, в ин-те с 1919 г. член ВКП(б) с 1931 — Б.Ч.] и директором Ленинградского политехнического института доцентом Подпоркиным (оба коммунисты, тоже не явились на регистрацию) и в сопровождении трех студентов сделали неудачную попытку прорваться через фронт в восточном направлении на Моздок—Кизляр <...>. Мы были вынуждены вернуться, не дойдя 14 км до Советска и около 50 км до Моздока, где в это время шли бои. 2 сентября, в день, намеченный мною ко вторичному выступлению на прорыв (уже вдвоем и с продовольствием), я был арестован по доносу двух студентов вечернего факультета. Был два дня под арестом в полиции, а затем 9 дней в гестапо. Был выпущен без предъявления обвинений. Спасло меня, во-первых, наличие ученых званий и степеней и большое количество напечатанных научных работ, в том числе в иностранной технической литературе; во-вторых, сравнительно высокое воинское звание (я ушел из армии профессором военной Академии, бригадным инженером); в-третьих, настойчивые и неустанные хлопоты и напор студенток института, поднявших все и вся за меня, сумевших пролезть всюду. И, наконец, сравнительно мирная политика, проводившаяся

немцами на первых неделях, а в особенности по отношению к ученым и видным людям — желание показать себя культурной и цивилизованной нацией, уважающей науку, хотя бы она и была советской <...>.

С конца августа большинство преподавателей и студентов начали поступать на работу (профессор В. В. Новожилов, например, использовал свое музыкальное образование и устроился скрипачом в оркестре театра—Б.Ч.), причем подавляющая часть студентов <...> (работала) как уборщицы, посудомойки и на других грязных работах в различных учреждениях или воинских немецких частях. Значительно меньшая часть направилась в ближайшие совхозы и колхозы. С конца сентября месяца всем профессорам и преподавателям, а также работающим студентам стали выдавать по два килограмма хлеба в неделю и 1,5 кг на взрослых иждивенцев. В сентябре были открыты столовые городской управы и частные. Как студенты, так и преподаватели в основном, конечно, жили продажей вещей, и к настоящему времени (январь 1943 г.— В.Ч.) большинство, исчерпав все ресурсы, находятся в ужасном положении. Некоторые начали уже голодать <...>.

5-го сентября в Пятигорске были произведены массовые расстрелы евреев (без различия пола и возраста) обманом вызванных с вещами, якобы для направления на производительные работы в местности, расположенные вдали от германских воинских частей. Через два дня эти расстрелы были проведены в Эссентуках и Кисловодске. Погибли многие тысячи людей <...>» [В частности, погиб профессор политехнического института А. А. Добрускин, доценты кафедры математики Н. А. Розенсон и Т. Н. Блинчиков — В.Ч.]» Следует отметить, что большинство студентов и все преподаватели [Инж.-экон. ин-та — Б.Ч.] не пошли на указанный вызов, поменяв паспорта и получив от института [по инициативе директора ИЭИ в то время проф. А. Б. Ельяшевича, т. к. проф. Клюквин скрывался в Эссентуках — Б.Ч.] временные удостоверения с русскими или татарскими фамилиями. Все они уцелели» <...>. При отступлении немцев вместе с ними ушла часть преподавателей и студентов (например, по ИЭИ — 8 преподавателей и 12 студенток) в качестве уборщиц и кухонной прислуги воинских частей [3]; из политехников — профессор Москвитин и некоторые другие.

Н. А. Клюквин счел необходимым специально отметить деятельность А. Б. Ельяшевича в эти дни: «Профессор Ельяшевич по документам русский, но по происхождению еврей,

в это тяжелое для всех время показал себя человеком, искренне и горячо преданным своей родине, всегда вел советскую политику, оказывая положительное влияние на колеблющуюся часть студенчества, и держал себя честно и достойно, несмотря на опасность своего положения и постоянное доносительство и угрозы со стороны некоторых преподавателей <...> института» [доцента Медянцева, члена ВКЩб), как сообщил сам А. Б. Ельяшевич своему ученику Е. М. Карлику]; впоследствии А. Б. Ельяшевич в 50—60-е годы преподавал в ЛПИ им. М. И. Калинина, был репрессирован в 1949—1953 гг — В.Ч.].

После почти полугодовой оккупации Северного Кавказа (Пятигорск был вновь занят советскими войсками в январе 1943 г.) встал вопрос о дальнейшей судьбе эвакуированных *т* Ленинграда профессоров и студентов, не успевших уйти из Пятигорска до прихода немцев (по данным [1], остались 19 профессоров, среди них Гавра, Горев, Залесский, Новожилов, Шишокин, Шрамков и др.). Списки лиц, находившихся в оккупации, уточнялись после тщательной фильтрации личного состава ЛПИ органами НКВД; даже список, составленный зам. директора А. И. Дмитренко 07.09.1942 г. (на 71 человека профессорско-преподавательского состава) имеет гриф «Секретно» [2]. Сравнительно небольшой коллектив института" продолжал оставаться в Пятигорске в тяжелых условиях и только к маю 1943 года был переправлен в Ташкент на основании распоряжения Совнаркома СССР № 6445 от 26.03.1943 г. [6].

До оккупации Пятигорска из него удалось эвакуироваться в Нальчик, далее через Баку и Красноводск в Ташкент всего 206 политехникам (102 студента, 23 аспиранта, 16 служащих и 23 преподавателей, остальные—члены семей) [2, 7]; 126 из них составили группу, успевшую уйти из города пешком при изнуряющей жаре 8 августа 1942 года, остальные выбирались индивидуально из окрестностей и присоединялись на разных этапах пути. Тогда, осенью 1942 года, они были введены в состав Средне-азиатского индустриального института (САИИ); в связи с отсутствием нагрузки многие преподаватели и служащие вынуждены были устроиться в другие организации, даже выехать в разные места Узбекистана.

В качестве самостоятельной организации в эвакуации ЛПИ возобновил свою деятельность в Ташкенте с февраля 1943 года в составе четырех факультетов (гидротехнического, электромеханического, инженерно-экономического и химико-техно-

логического) и 41 академической группы с общей численностью 717 человек. Окончательно помещения и штатное расписание были утверждены в мае. Профессорско-преподавательская часть — 96 человек (35 профессор, 31 доцент, 24 аспиранта)—по состоянию на 01.11.1943 г. [4]. Институт сформировал и все остро-необходимые в то время вспомогательные служебные структуры (заготовительные, снабжения, мастерские и т.п.), развернул учебную и научную работу. Более того, в состав ЛПИ им. М. И. Калинина в Ташкенте приказом ВКВШ [6] «временно (на период войны)» были включены Ленинградский технологический институт им. Молотова и Ленинградский инженерно-экономический институт им. Молотова. Возвращение в Ленинград в индивидуальном порядке началось весной 1944 года. Основной объем эвакуации — два эшелона — пришелся на август 1944 года [6].

ЦК ВКП(б) Узбекской ССР специально занимался вопросом оценки поведения коммунистов института во время оккупации Пятигорска. Всем были вынесены взыскания. Вторично этот вопрос рассматривался в 1948 году (!) ленинградскими партийными органами (мотивы — непринятие всех мер к сохранению партдокументов, организованное уничтожение партдокументов [5]). Разъяснения В. Г. Подпоркина при разборе его персонального дела: «В 1944 г. ЦК КП(б) Узбекской ССР объявил мне строгий выговор с предупреждением за антипартийное поведение при занятии г. Пятигорска немецкими войсками... Дело в том, что в здании, где мы находились, были поставлены часовые. Нас было 13 человек. По общему решению мы сожгли партийные билеты. После освобождения города от немецких войск дела наши не разбирались [в Пятигорске — Б.Ч.]» [5].

Сложные и тяжелые условия эвакуации—одна из граней Великой Отечественной войны; эти испытания политехники выдержали с честью, сохранили работоспособность института, выполнили свой профессиональный и гражданский долг. Восстановить и зафиксировать все обстоятельства того времени—наша обязанность перед памятью политехников военного поколения.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Отчет о работе партийной организации Политехнического института за 1942 г. (СПб. ЦГА ИПД, ф. 2, оп. 3, д. 569).
2. Материалы по эвакуации рабочих и служащих заводов и учреждений Выборгского района (СПб. ЦГА ИПД, ф. 2, оп. 3, д. 1848).
3. Ключкин Н. Н. Отчетная записка за период август 1942 январь 1943 г. по Ленинградскому инженерно-экономическому институту им. т. Молотова (личный архив проф. Е. М. Карлика).
4. Отчет о работе партийной организации Политехнического института за 1943 г. (СПб. ЦГА ИПД, ф. 2, оп. 3, д. 1831).
5. Материалы партийного архива ЛПИ им. М. И. Калинина (СПб. ЦГА ИПД, ф. 40, оп. 2, д. 18, 20, 88, 95, 127, 128).
6. Архив СПбГТУ. Приказы 1942—1943 гг. (Пятигорск—Ташкент)
7. Архив СПбГТУ, оп. 45, д. 942.
8. Стронкин Н. Н. Дети блокадного Ленинграда. Фунд. биб-ка СПбГТУ, деп. рук.